
Испанский путешественник дон Хуан Ван Гален в «тёплой Сибири»: размышления участника Кавказской войны

*Родионова Н.А.,
к.и.н., доцент ГУ-ВШЭ*

Статья посвящена раскрытию образа испанского офицера, принявшего участие в сложных и трагических событиях, связанных с присоединением Кавказа к России в XIX в. Особое значение имеет то обстоятельство, что о политической ситуации в России размышляет испанский эмигрант, родина которого уже прошла в своей истории подобный этап развития государства. Кроме того, представляется интересным освещение исторических фактов через реконструкцию быта, взаимоотношений солдат и офицеров русской армии.

The author reveals the character of the Spanish officer who witnessed and participated in tragic events related to joining the Caucasus to Russia in the XIX-th century. It is of particular significance that a Spanish emigrant whose motherland had passed through the same stage in the state's development reflects upon the political situation in Russia. Besides, uncovering the historic facts through describing Russian Army soldiers and officers daily routine and relations is of interest.

Испанский офицер дон Хуан Ван Гален граф Перакампус (1788–1864), активно сражавшийся в рядах повстанцев против оккупировавших Испанию наполеоновских войск, в 1818г., спасаясь от инквизиции, бежит в Россию, которая в то время привлекала взоры всего мира как освободительница Европы от наполеоновской агрессии. Выбор страны эмиграции Ван Галеном был обусловлен сформировавшимся в общественном сознании испанцев позитивным образом России — союзной державы, интересы которой никогда не сталкивались с интересами Испании. Напротив, Александр I поддержал Испанию в борьбе против французов, подписал союзный договор между Россией и Испанией в тяжёлый для неё период борьбы с французскими захватчиками и первым из европейских монархов признал конституцию кортесов, снискав себе славу либерала.

Россия, разгромившая «непобедимого Наполеона» и находившаяся на вершине своего могущества, воспринималась Ван Галеном как великая, дружественная Испании держава, была привлекательна ещё и тем, что русский император Александр I поощрял иммиграцию в Россию и привлекал иностранцев на государственную службу. Свои впечатления о пребывании в России (1818–1820гг.) Ван Гален

изложил в воспоминаниях, изданных на английском и испанском языках. На русский язык полностью воспоминания до сих пор не переведены [1].

В декабре 1818 года на борту английского судна Ван Гален прибыл в Санкт-Петербург, где находился в ожидании приказа о зачислении его на военную службу. Благодаря покровительству своего соотечественника генерала А. Бетанкура, директора Главного управления путей сообщения (известного своим авторством инженерного проекта столичного Манежа), Ван Галену удалось получить назначение майором в армию генерала А. П. Ермолова в 44-й Нижегородский драгунский полк, в «теплую Сибирь», где он оказался в самом эпицентре Кавказской войны. Он нисколько не сомневался в том, что Кавказ — это ссылка. Сюда ссылали политически неблагонадёжных, где под пулями горцев неугодные правительству люди могли найти смерть без вынесения смертного приговора. Об этом Ван Гален был хорошо осведомлён: «16 мая 1819 года был издан приказ о моём зачислении майором в кавалерийский полк, ведущий военные действия в «тёплой Сибири», куда высылаются люди, чьи взгляды производят впечатление слишком либеральных» [1, V,II, p.134]. Однако здесь существовала возможность сделать быструю карьеру, что для честолюбивого Ван Галена представлялось заманчивым.

Ван Галену удалось увидеть не только столичные города и подробно описать их достопримечательности, но, направляясь на Кавказ, он пересек всю страну, что посчастливилось сделать далеко не каждому путешественнику. Он был одним из первых, рассказавших Западной Европе о Кавказской войне, о народах этого отдаленного края, их обычаях, религиозных верованиях и особенностях материальной культуры [2]. Не скрывая своего доброжелательного отношения к русским, Ван Гален стремится дать объективную информацию об увиденном в стране и политических настроениях русских, сделать

собственные прогнозы, чтобы повлиять на формирование политики Испании по отношению к русскому государству и способствовать укреплению взаимоотношений между двумя странами, тем более что Россия — сильная военная держава, способная повлиять на расстановку сил в Европе и в самой Испании [3].

24 июля 1819 года Ван Гален отправился на Кавказ, к месту стоянки драгунского Нижегородского полка, где ему предстояло служить. Путь его лежал через Новгород, Валдай, Тверь. Четыре дня он провел в Москве, где ему был оказан исключительно теплый прием А. М. Голицыным и его московскими знакомыми. Затем он миновал Тулу и должен был бы далее следовать на Воронеж и Дон, но Ван Гален решил навестить своего знаменитого соотечественника инженера генерала Бетанкура, который в это время находился в Нижнем Новгороде, а затем продолжил путь через Арзамас, Саранск, Пензу, Тамбов, Кирсанов и Воронеж. 19 августа 1819 года он прибыл в Егерлык, где впервые встретил множество нищих, чему был очень удивлен, так как до того он нищих в России не видел. Напротив, крестьяне, встреченные им ранее, были хорошо одеты, что позволяло судить о процветании страны. Быстрота, с которой Ван Гален преодолевал огромные просторы страны, вызвала удивление путешественника, он замечает, что ни в одной из стран перевозки пассажиров не осуществляются так быстро, как в России. От Воронежа до станицы Казанской ему встретились только два населенных пункта — Павловск и Бобров [1, V,II, p.90].

От станицы Казанской почтовую связь осуществляли казаки. Здесь Ван Гален впервые встретил кочующих калмыков и описал их образ жизни. 25 августа он прибыл в Черкасск — столицу донских казаков. Затем он миновал станицу Батайскую, где едущие из Персии проходили карантин, так как в Персии была эпидемия чумы. В этой станице впервые в жизни он увидел черкеса и описал его воинственный об-

лик. Ставрополь он миновал без остановок, и первую передышку после Нижнего Новгорода он сделал в Георгиевске, а вечером следующего дня он был уже в Моздоке, где остановился в доме миссии иезуитов, хотя и относился к ним с недоверием [1, V. II, p. 166].

31 августа он покинул Моздок и свернул на дорогу в Кизляр. Ван Гален стремился поскорее представиться генералу Ермолову, который в это время находился в ауле Эндери, или Андреевской деревне, как ее называли русские. В этом месте была заложена крепость Внезапная, одно из самых важных мест на всем левом фланге Кавказской линии.

29 сентября 1819 г. Ван Гален отправился в Тифлис (здесь был расквартирован его полк), где задержался до 16 декабря 1819 года. Зиму с 1819 на 1820 год он провел уже в Карачаге, в 140 верстах от Тифлиса, где располагался Нижегородский драгунский полк. В июне 1820 года Ван Гален принял участие в битве с горцами при ауле Хозрек, результатом которой было присоединение к России лезгинского ханства Казикумух. Ван Гален отличился в этой операции — он первым вскочил на крепостную стену аула Хозрек и был ранен [1, V. II, p. 194].

Став участником военных действий на Кавказе, европеец Ван Гален пытается анализировать геополитическую ситуацию, сложившуюся в регионе в начале XIX века и стратегические цели России. Сама цель, сама задача — включение Кавказа в состав империи и замирение горцев — не ставилась под сомнение. Ван Гален испытывал чувство благодарности к стране, приютившей его в тяжелое для него время, и считал для себя делом чести помочь России решить ее проблемы на Кавказе.

С присоединением Грузии Россия получила плацдарм для дальнейшего продвижения на Восток, однако вся горная гряда Северного Кавказа к югу от линии Кубань-Терек не была ещё подвластна российской администрации; завоевание Северного Кавказа становилось для России первоочередной стратегической и политической

задачей. По мнению Ван Галена, «присоединение к России обеспечило Грузии огромные преимущества» [1, V. II, p. 197]. Лезгины участвовали в позорной торговле людьми, когда «молодые юноши и девушки продавались в гаремы персидского шаха или во дворец турецкого султана. Красавица — грузинка часто менялась на дамасскую саблю или арабского скакуна» [1, V. II, p. 214]. С приходом русской администрации торговля пленными и женщинами была запрещена. Из-за набегов горцев Большого Кавказа и экспансии Турции и Ирана, направленной, по сути, на физическое уничтожение грузинского народа, вхождение в состав Российской империи для Грузии становилось единственным условием не только прогресса, но и физического самосохранения ее народа.

Необходимость завоевания Кавказа Ван Галеном не оспаривается, так же как уверенность в конечном достижении этой цели. По его мнению, задача, которую преследует Россия в Кавказской войне — защита единой Грузии от посягательств Турции и Персии — вполне благородна: «Грузия оказалась беззащитной перед опустошительными набегами со стороны персов; турки, находясь в разногласиях с Персией, принудили кавказские племена и, в особенности, лезгин, которые исповедовали ту же религию, что и они сами, опустошить ту часть Грузии, которая была подвластна Персии, чтобы, превратив её в пустыню, обеспечить барьер между двумя враждующими государствами» [1, V. II, p. 200]. «Положение племен, сопротивляющихся подчинению России, оговорено в договорах с Турцией, однако, вероломство Турции и ее заинтересованность в этих землях — причина того, что эти племена до сих пор находятся в состоянии варварства и это главное препятствие России к ее возможному триумфу в Константинополе» [1, V. II, p. 131].

Борьбу горцев Ван Гален воспринимает как дерзкую попытку вредных элементов воспрепятствовать строительству русской государственности. Намерения русских,

по его мнению, были самые благородные: распространить законность и просвещение, прекратить междоусобицы и набеги. Русские, воевавшие на Кавказе, также считали эти войны освободительными. Они видели в Турции «угнетательницу славянских народов и поработительницу Грузии». Задача недопущения влияния Турции на Кавказе и освобождения народов Кавказа от удручающего деспотизма и религиозного фанатизма турок представлялась им вполне прогрессивной и продиктованной насущными интересами России [4]. Свое участие в этих войнах они рассматривали как выполнение патриотического и гражданского долга. Войну с Ираном, например, А.С. Грибоедов считал «самой человеколюбивой войной» [5]. В целом же народы Кавказа, по мнению Ван Галена, выигрывали от установления российской администрации, так как при ханской власти им приходилось платить значительно больше налогов, а главное, страдать от деспотизма феодальных властителей, которые вершили скорый суд и расправу над подневольными народами: «За 18 лет правления русских в Елизаветполе состоялась только одна казнь (об этом Ван Гален узнал от слуги хана — Н.Р.), а до прихода русских это случалось ежедневно» [1, V,II, p.122].

Форму правления у кавказских народов Ван Гален характеризует как деспотизм, которому противостоит справедливое самодержавное правление царя-освободителя Европы Александра I. Доброжелательно настроенный по отношению к России, а генералу Ермолову — восторженно, Ван Гален не склонен подвергать критике ни политику России на Кавказе, ни жестокие методы ее проведения, главным орудием которой был генерал Ермолов. Ван Гален лестно отзываясь о генерале, взявшем на себя дело «усмирения Кавказа». Он обратил внимание на то впечатление, которое производил Ермолов на людей, окружавших его. Среди этих людей были офицеры высшего ранга: «Все они были воодушевлены искренним и уважительным примером А. П. Ермолова, хотя эти люди, привыкшие

к жестокостям войны, были отнюдь не сентиментальны» [1, V,II, p.118]. При всем своем добродушии и сердечном отношении ко всем, кто служил под его началом, А. П. Ермолов проявлял непреклонность характера в категорическом запрете устраивать пирушки и играть в карты.

В результате строительства редутов и крепостей по всему горному Кавказу, на всех воинских путях в горах, связанных с Тереком, был осуществлен перенос военной линии к подножию Кавказского хребта с Терека на Сунжу, при этом за Россией закрепились плодородные равнинные земли чеченцев, а сами чеченцы, отказывавшиеся подчиняться российской администрации, должны были переселяться в горы [6]. Необходимость постройки крепостей Ван Гален объясняет «требованиями немедленного пресечения незаконного поведения горцев северной части Кавказского хребта», «чтобы защитить их мирных соседей — горцев от их грабежей и набегов» [1, V,II, p.134]. Осуждая горцев за буйный нрав и привычку к грабежу, Ван Гален упускал из виду, что сам участвует в захвате земель, ранее России не принадлежавших. А разница культур и взаимная рознь племен позволяла ему именовать завоевательную войну «борьбой против разбойников». Отсюда его негативное восприятие горцев как разбойников, главным средством существования которых являются военные грабежи: «Горцы, хотя и признают Российское правительство, иногда совершают акты хищничества: налеты, опустошительные набеги, которые могут быть остановлены только вооруженными силами. Они имеют обыкновение лежать в засаде и неожиданно нападать, приводя в замешательство путешественников, особенно офицеров, за чье освобождение требуют большие суммы» [1, V,II, p.176].

Захваты людей чеченцами в целях получения выкупа были одной из самых острых проблем с момента возникновения Кавказской линии. Важнейшим пунктом присяг на верность Российскому престолу, требуемых от чеченских обществ,

было обязательство «противу российских подданных не делать ни малейших хищничеств, как то увоза людей» [7]. По мнению Ван Галена, покоряемые горцы — хищники, разбойники, экономически несамостоятельны, не умеют рационально использовать природные условия, которыми владеют. Странник либеральных идей, в России Ван Гален придерживается имперской, государственнической точки зрения на проблему покорения Кавказа. Он не пытается объяснить социальную основу так называемых «хищничеств», лишь указывая на этнопсихологические особенности горцев, якобы побуждавшие их к набегам: «Чеченцы упорствовали в своих набегам, так как Бог, создавая Кавказ, заповедал им жить за счет соседей» [1, V. II, p. 135]. А между тем «хищничества» горцев, переживавших процесс феодализации, были важнейшим элементом их социально — экономического уклада: «Общинники, занимавшиеся набегам — похищением у соседей скота и других богатств, а также пленных, прокладывали себе путь в знать, превращались в основателей «сильных» родов» [8].

Став участником военных действий на Кавказе, европеец Ван Гален вторгся, хотя и не по своей воле, в мир, напоминая ему раннее средневековье своей истории. Горцы напоминали Ван Галену американских индейцев, а методы завоевания, отнюдь не осуждаемые им, — конкисту испанцев [9]. Да и сами русские офицеры сравнивали свои войска с испанскими конкистадорами: «Наши действия на Кавказе напоминают все бедствия первоначально завоевания Америки испанцами» [10].

Подчинение раздробленных и враждующих друг с другом племен российской государственности означало для них, по мнению Ван Галена, обретение подлинного политического бытия и переход от варварства к цивилизации: «Стремление России овладеть этими территориями сопровождается декларациями о просветительской миссии европейских народов, и это справедливо, поскольку распространение ци-

вилизации в этих странах может принести человечеству огромную пользу» [1, V. II, p. 132]. Приобщение горских народов к российской государственности отвечало, по его мнению, не только интересам России, но и их собственной пользе. Ни о каком, даже элементарном, учете многовековых традиций и нравов местного населения Ван Гален не задумывался, а между тем, из истории мы имеем возможность убедиться, что своя отсталость народу может быть ближе, чем невыстраданный им самим прогресс. Борьба с горцами признавалась делом, соответствовавшим государственным интересам России, а жестокие способы ведения войны — не самоцелью, а лишь средством для достижения цели покорения Кавказа, чтобы приобщить населяющие его народы к достижениям европейской цивилизации.

Только благодаря выносливости, трудолюбию, неприхотливости русских солдат России удавалось удерживать этот беспокойный край. Военные историки подсчитали: войска Ермолова 11 месяцев в году, не разгибая спины, строили укрепления, рубили лес, рыли землю, мостили дороги и только один месяц в году с оружием в руках находились в экспедиционных походах [11]. Как полководец, Ермолов понимал, что для выполнения поставленной им задачи необходимо нравственное единение вождя с предводимыми, что любовь солдат к полководцу есть сила, способная творить чудеса. Ван Гален свидетельствует: «Генерал Ермолов обращается к солдатам, как к братьям, бережет каждую каплю их крови, воодушевляет их и закрепляет их успехи. Это заставляет любить и уважать его всеми, кто находится под его командованием» [1, V. II, p. 121].

Подобное отношение к солдатам проявляют и офицеры: «Если бы не забота офицеров о солдатах, которые в этой части империи очень подвержены болезням, то треть новобранцев пала бы жертвами лихорадки, свирепствующей в этой стране». И хотя Ван Гален был лишен сословных предрассудков, а сословное чванство

грузин казалось ему смешным, его отношение к солдату отнюдь не товарищеское: «Близость к лезгинам постоянно держала войска в боевой готовности, — пишет Ван Гален, — и может быть, это было полезно солдату, но для офицеров приятного было мало» [1, V. II, p. 185]. Неоднократно отмечая «заботу, привязанность русских офицеров к солдатам, которая может служить примером благородства» [1, V. II, p. 122], сам Ван Гален лишь подсчитывает выгоды, которые имеют офицерский состав и правительство России от использования солдат на всевозможных работах во время мирных передышек: «Когда офицер прибывает в полк, в его распоряжении и к его услугам — солдаты, которые выполняют все его желания. Все, что необходимо для армии, делают солдаты. Полковник имеет право в мирное время треть войск использовать для собственных нужд. Солдаты становятся плотниками, кузнецами, каменщиками. Это позволяет России содержать огромную действующую армию с наименьшими издержками» [1, V. II, p. 180].

Что же касается телесных наказаний в русской армии, о которых Ван Гален много слышал, находясь в Европе, то в армии генерала Ермолова он ни разу не был свидетелем подобного позорного явления; этот слух он считает злой сплетней и объясняет его завистью к военным успехам русской армии [1, V. II, p. 189].

Ван Гален оценивает состояние русской армии как превосходное: «Ни один из командиров не осмеливается игнорировать даже пустячные свои обязанности. Этим объясняется превосходное состояние русской армии, которая использует лучшие достижения французской армии и английских вооруженных сил» [1, V. II, p. 181]. Свидетельства Ван Галена о состоянии русской армии тем более ценны, что он военный — профессионал, не новичок в армии и имеет возможность сравнивать с постановкой военного дела в других странах, например, Испании и Франции, где служил ранее. «Было бы трудно найти в Европе регулярные войска, чье вооружение было бы в лучшем состоянии, чем

в русской армии. Татары на русской службе имели на вооружении очень старое оружие, служившее многим поколениям, но оно было в идеальном состоянии. Казачьи полки призываются вооруженными и конными и готовы участвовать в военных действиях за любое пустячное вознаграждение» [1, V. II, p. 264]. «Пехотинец полностью экипирован для войны всего лишь на 25 рублей ассигнациями, что составляет один фунт стерлингов» [1, V. II, p. 179]. Ван Гален, в отличие от русских, готовых ребром пустить последнюю копейку, умеет считать деньги. Его поражает щедрость и широта образа жизни русских офицеров: «Полковник Климовский держит открытый стол для своих офицеров, несет огромные расходы». «Все офицеры ежедневно обедали у генерала Ермолова. Часто собиралось столько приглашенных, что не хватало стульев, чтобы усадить всех, к столу приставлялись простые деревянные скамьи» [1, V. II, p. 114].

Доброжелательный взгляд Ван Галена запечатлел для потомков привлекательный образ русского человека на войне — щедрого жизнелюба, выносливого, нетребовательного и терпеливого, отважного до безрассудства. Русские, по мнению Ван Галена, лучшие в мире воины. Вместе с тем, русского солдата никогда не покидают милосердие и сострадание к побежденному, готовность прийти на помощь нуждающемуся.

Описывая перипетии покорения Кавказа, Ван Гален, несмотря на свою наблюдательность и прозорливость, видел лишь фасад здания и не знал всей подоплеки Кавказской войны. Конечно, он не беспристрастен: все его симпатии на стороне русской армии, в рядах которой он служил. Он убежден в необходимости завоевания Кавказа и удивлен сопротивлением горцев, для которых вхождение в состав великой державы открывало возможность приобщения к достижениям европейской цивилизации, что, по его мнению, является несомненным благом для них. В составе России были созданы более благоприятные условия для роста их национальной консо-

лидации, прекращены кровавые войны и столкновения между горскими народами, запрещена работорговля. Оценивая происходящее с позиций европоцентризма, он не признает право кавказских народов иметь собственную историческую судьбу.

Кавказскую войну Ван Гален рассматривает как справедливую со стороны Российской империи, которая, обладая мощным военно-политическим потенциалом, защищает, преследуя при этом собственные интересы, сопредельные народы, не сумевшие, в силу отсталости своей общественной организации, обеспечить себе

необходимую внешнюю безопасность. По его мнению, Россия ведет войну не с народами Кавказа, а с их тиранами, которые, подталкиваемые Ираном и Турцией, провоцируют антирусские выступления. Ван Гален считает, что Россия выполняет на Кавказе цивилизаторскую миссию, исходя из этого, он оправдывает «крутые меры ермоловского времени», хотя с точки зрения нравственности они достойны осуждения. Взгляд иностранца, непосредственного участника Кавказской войны, проливает дополнительный свет на трагическую страницу в истории Кавказа.

Литература

1. Memoires of don Juan Van Halen, comprising the Narrative of his imprisonment. London, 1830.
2. Гордин Л.А. Что увлекло Россию на Кавказ? // Звезда. 1997. № 10. С.94.
3. Пожарская С.П. Испания глазами российских послов конца XVIII – начала XIX вв. // Европа и Россия. М., 1995. С. 30.
4. Воспоминания Бестужевых. М.-Л., 1951. С.671.
5. Грибоедов А.С. Сочинения. Л., 1940. Т.9. С.32.
6. Блиев М.М., Дегоев В.В. Кавказская война. М., 1994. С.176.
7. Ермолов А.П. Записки А.П. Ермолова. М., 1991. С. 287.
8. Дубровин Н.Ф. История войны и владычества русских на Кавказе. СПб., 1886. Т.6. С.184.
9. Какацуба И.В. Некоторые источниковедческие аспекты изучения записок английских путешественников по России. (Стереотипы их восприятия и оценок российской действительности) // История СССР. 1985. №4. С.166-167.
10. Акты кавказской археографической комиссии. Рапорт ген.-лейтенанта Раевского гр. Чернышёву от 28-го февраля 1841 г. № 65. Керчь. Т. IX. Ч.2. Тифлис, 1884. С.505.
11. Бейтуганов С. Кабарда и Ермолов. Нальчик, 1993. С.140.